

ПРЕСЛОВУТОЕ КАК БЫ – СЛОВО-ПАРАЗИТ
ИЛИ ПОЛНОЦЕННОЕ ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО?

THE OVERUSED FORM AS IF – A WORD-PARASITE
OR A STANDARD VALUE WORD?

ЛИЛИЯ БЫКОВА

ABSTRACT. The article synthesizes, organizes and in many ways reveals and defines the conventionally invariant and derivative values (senses) of the hyperfrequency particle 'AS IF (КАК БЫ)' using as its material various discourses in the modern Russian language. Anthropological and phenomenological study revealing the pragmatic strategy of the speaker's approach to the texts, substantiated the hypothesis of the permanent dialogical, situational significance of this specific discourse phrase, even in cases when it reveals the physiological aspects of speaking. On the surface, the explanation of the reasons for the high frequency use of 'as if' is based on socio-political factors. At the same time, the "byte of uncertainty" of our time correlates with the categories of contemporary postmodernist consciousness with its freedom from the unambiguous connection of the word with the denoter and, as a consequence, with the loss of uniqueness and certainty.

Keywords: particle, as if, Russian language, semantics, derivate values

Лилия Быкова, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
Харьков – Украина, bliliya@comcast.net

Перед нами стояла трудновыполнимая задача синтезировать и „перекроить“ множественные мнения языковедов и всех интересующихся состоянием норм русского языка нового времени относительно слова-частицы *как бы*, которая теперь на слуху у всех – поистине гиперчастотна в современной устной (более всего) и даже в письменной русской речи. Это „проблемное“ слово, широко распространенное во всех сферах общественной жизни и культуры, затронуло едва ли не все жанры – как в сфере бытового общения, так и в профессиональных сообществах; в интеллигентском жаргоне, языках компьютерщиков, политической сфере, художественной литературе, научном стиле речи.

Национальный корпус русского языка фиксирует миллионы словоупотреблений этого слова. Только в корпусе „Поэтический“ обнаруживается 67685 вхождений. Естественно, мы ограничимся несколькими наиболее показательными примерами.

Трудно осуществить попытку эксплицировать и систематизировать большое количество терминов и определений, используемых авторами исследований для выявления „растяжимых“ контекстных значений и оттенков этого слова, в котором *как* говорит о сравнении, а *бы*, по мнению академика В. В. Виноградова, является „этимологической подкладкой“, уже глагольной частицей модального, гипотетического, ирреального содержания.

Существует большое количество научных и популярных статей, посвященных этой частице: о ней пишут в общих исследованиях современной культуры речи и состояния норм русского языка. Много заметок, эссе, публицистических и социологических откликов о „литературности“ *как бы* в письменной речи; о связи ее с проблемами коммуникации, языком СМИ, с феноменом языковой игры; о связи с текстовыми категориями, в прагматическом и феноменологическом аспектах.

Нет возможности и, думается, необходимости помещать в список литературы в данной статье свыше 50 библиографических позиций, ограничимся наиболее аналитичными.

Каждому, кто берется за эту „скользкую“ тему, так или иначе придется ответить на вопрос: это слово-паразит или полноправное дискурсивное слово, или же оно может совмещать обе квалификации.

К числу сторонников значимости частицы относятся М. Н. Виротайнен, С. Дончак, Б. Дубин, О. В. Трофимова, А. А. Белов, В. А. Плунгян и др. С большими сомнениями, „частично“ или резкоотрицательно относятся к „мусору“, „опустошенности“, „паразитарности“ *как бы* – спутнику косноязычия: О. А. Лаптева (*как бы*), А. Д. Шмелев, А. Д. Васильев, М. Эпштейн, А. Немзер, В. Познер и др.

Дискурсивные слова – это текстовые категории имплицитной информации, тактики и стратегии говорящего. Они обеспечивают связность текста и самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и адресата, позицию говорящего, то, как он интерпретирует факты, о которых сообщает, как оценивает их с точки зрения важности, правдоподобия, вероятности и т. д. В случае *как бы* важно и то, как говорящий оценивает своего адресата.

В качестве общетеоретической основы лингвистического анализа представляется обоснованной (и в этом убеждает огромный фактический материал) концепция известного русского языковеда В. А. Плунгяна [Плунгян 2014], согласно которой в языке не может быть ничего нефункционального, незначимого, пустого. Такой подход является антропологическим, психолингвистическим и, можно сказать, феноменологическим, т. к. проецируется на попытку проникнуть в спонтанно-смысловую жизнь сознания. В. А. Плунгян и его сторонники защищают функциональность любого слова в речи. Там, где противники

как бы не видят *ничего*, защитники видят *многое*, что обнажает себя в устной речи. В связи с высказываниями В. А. Плуногяна (иллюзии, эмоциональность, провокация контекста...), основываясь на общих особенностях устной речи, говорения в целом, укажем также, что говорящий с помощью частицы *как бы* может искать нужное слово, обдумывать стратегию предстоящего говорения; может менять ее (паузы обдумывания). Это может быть результат интеллектуальной и языковой компетентности, несостоятельности говорящего (комплекс неполноценности), ограниченности лексикона; желание „замаскировать” незнание предмета речи. Это может быть попытка оценить сознание адресата (как он отнесется к высказыванию?). В конце концов, это может быть проявление чисто физиологических аспектов говорения: состояние аффекта, возбуждения, растерянности, смущения; пауза, чтобы расслабиться, перевести дух, оставить место для маневрирования, релаксировать языковую память. Действительно, вскрываются речемыслительные процессы, спонтанно-смысловая жизнь сознания (частицу иногда выделяют запятыми). Несколько примеров: „Я сейчас, *как бы*... Это не мое знание, но мое представление” (А. Венедиктов, „Эхо Москвы”); „Но никто не посягал, никто, *как бы*, так сказать, не говорил об этом” (П. Гусев, „КСМ Правда”); „Таким образом, мы видим, что, *как бы*, все вот это недовольство – тут это, тут это” (К. Ремчуков, „Эхо Москвы”); „Но... *как бы* это сказать... ты *как бы* меня иногда смущаешь своей опытностью” (О. Зуева, „Даша”).

Наиболее очевидным представляется одно из значений *как бы* в собственно поэтических текстах, в которых автор говорит не только об иллюзорном, но и неведомом, невыразимом, требующем неясной семантики, не позволяющей читателю однозначно идентифицировать референт (денотат) и его признаки. Неординарность, неповседневность впечатлений создает *как бы* „зазор” между словом и мыслью: непостижимое, иррациональное – не X, но и не Y (*как бы* „у”), „то же, да не то”. А. А. Белов [Белов 2005], исследовавший роль *как бы* в поэзии Ф. Тютчева, проанализировав 30 случаев употребления частицы в 385 текстах, особо выделил эти случаи сложности вербализации, сопутствующие душевному состоянию неопределенности: „Люблю смотреть, когда созданья *как бы* погружены в весне. И мир заснул в благоуханье, и улыбается во сне” (*Слезы*); „Как сердцу радостно, светло, *как бы* эфирною струею по жилам небо протекло” (*Проблески*).

Невозможность точной вербализации, неуверенность в точном выражении убедительно подтверждается контекстами неотчетливого, субъективного сенсорного восприятия мира, как саморефлексия перцепции в любых дискурсах: *как бы* сиреневатый (зрительная); *как бы* сладковатый (вкусовая); *как бы* шершавый (осязание); *как бы* свистящий (звук).

Наверное, можно сказать, что условно „инвариантным“ для частицы является смысл *как*, превращающий сравнение в утверждение, и смысл *бы*, перечеркивающий это утверждение. Создается значение неопределенности, условной предположительности, которое можно выразить целым рядом слов: уподобление, недостоверность, приближительность, ненастоящность, фиктивность, „кажимость“, видимость, имитация, иллюзия и даже симулякр (как копия, вообще не имеющая оригинала в действительности). Часто присутствующая ироническая тональность, особенно проявляющаяся в звучащей речи, в унисон сопровождает смысл. Имея в виду, прежде всего, публицистику, исследователи и ревнители культуры речи объясняют гиперчувствительность частицы факторами социально-политическими — нестабильностью общества с его полумерами и полузаконами, говорят о присутствии постсоветского самоограничения безусловности, категоричности — уходом от конкретности, определенности. Возникает мысль о непрочности, виртуальности бытия, что М. Эпштейн выразил формулировкой: „Байт неопределенности и есть суть времени“.

„После Второй мировой войны страна *как бы* процветает“ (М. Барцевский, „Новая газета“); „Сложилось такое впечатление у власти, что, ну да, будет *как бы* не очень, но мы, *как бы* будем балансировать в этой ситуации“ (Е. Осетинская, „Независимая газета“); „Ну, *как бы* за метро будут платить в основном иногородние“ (К. Ремчуков, „Эхо Москвы“); „...выйти *как бы* из изоляции России“ (Д. Муратов, „Независимая газета“); „Ну, она (Меркель) *как бы* очень всегда интересуется и правозащитными вопросами“ (Д. Муратов, там же); „Тайна переписки у нас *как бы* сохраняется“ (М. Барцевский, „Новая газета“).

Можно сказать, что в новое время масс-медиа изменили отношения между письменной и устной речью: написанное слово может полностью отражать говорение. В этой новой словесности обнаруживается пристрастие к *как бы* у многих очень известных политических деятелей, политиков, публицистов, журналистов, интеллектуалов. О. А. Лаптева [Лаптева 2004] назвала имена известных артистов, мы назовем также имена А. Венедиктова, главного редактора „Эха Москвы“; К. Ремчукова, многолетнего редактора „Новой газеты“, Д. Муратова, редактора „Независимой газеты“; М. Шевченко, М. Барцевского, Л. Радзиховского, Ю. Латыниной, известных не только в России блестящих публицистов; писателя В. Ерофеева. Эту особенность нового языка подметил президент РФ В. Путин, сказав: „Я выразил свою позицию, президент Украины — свою, мы нашли, как теперь принято говорить, *как бы* консенсус“ (из передачи РТР).

Иногда кажется, что „в устах интеллектуалов“ это языковая игра, осознанное отступление от нормы, протест против казенной речи, да-

же насмешка над нормой; шаги в сторону комического, самоиронии и иронии. Подделка под простонародный стиль воспринимается естественно: В. В. Виноградов считал эту частицу просторечной.

„Речь идет как бы о полевых командирах, которые контролируют какие-то здания” (Г. Павловский, „Эхо Москвы”); „...сейчас как бы немодно вообще воевать. То есть иногда как бы приходится, но, как бы нехорошо. Все говорю как бы, потому что, конечно, там включаются другие силы” (В. Ерофеев, Радио „Свобода”); „Я не министр культуры. Я вообще как бы к культуре непосредственного отношения не имею” (М. Барщевский, „Эхо Москвы”).

Как бы способно формировать контексты с прямо противоположными значениями. Так, одни из них (и их огромное количество) не вуалируют неопределенность, а прямо, без обиняков, говорят о действительности – и ложном, обманном ее представлении.

Разговор П. Гусева (редактора „Московского комсомольца”) с ведущим на „Эхе Москвы”: „Ну, он (новый министр культуры) как бы книги пишет”. – „Как бы многие пишут книги”. Ведущий: „Решение вполне как бы законное”. – „Ну, по форме как бы законное, а по сути – издательство” (А. Венедиктов, „Эхо Москвы”); „Как бы они (молодые люди) несут ответственность за свою судьбу. На самом деле все понимают, что это как бы” (Д. Муратов, „Эхо Москвы”); „...непонятные военные люди, которые, как бы, не русские войска, а, наверное, марсиане...” (А. Островский, Радио „Свобода”); „Они как бы работают, а им как бы платят” (В. Морковкин, *Объяснительный словарь*); „Вроде как бы идеология, а на деле часто по бабкам (Ю. Латынина, „Эхо Москвы”); „Там все уходили от налогов, но как бы не все за это сидят” (Е. Осетинская, „Новая газета”); „Однако в выданной мне справке значилось: может, находиться на территории России, без права работать, т. е. как бы гостевая виза” (Е. Марков, АиФ).

С другой стороны, выступает стратегия самоограничения безусловности и категоричности, боязнь „сказать лишнее”, стремление уклониться, не брать на себя ответственность за оценку и номинацию явления, события, факта. Частица может ослабить, смягчить значение слова, которое может быть произнесено. Уклончивость, или фигура скромности, или просто вежливость – это определяется контекстом. Здесь особенно важно чувствовать иронию.

„Как-то страна немного как бы устала от нее” (Ю. Латыниной) – (М. Шевченко, „Эхо Москвы”); „Конечно, Дождь как бы вызвал неудовольствие” (Г. Тимченко, *Дождь*); Ведущая „Эха Москвы”: „Мы вот тут как бы немножечко поспорили” (был большой скандал); „Диалог: «Ругает?» – „Нет, журит скорее как бы” (М. Шевченко, там же); „Либералы в этой ситуации были как бы противниками Путина” (М. Шев-

ченко, „Новая газета”); „Он (Путин) *как бы* предостерегает законодателей от излишнего рвения” (М. Шевченко, там же); „Власть, *как бы* вроде бы сама это (митинги) разрешила...” (Т. Фельгенгауэр, „Эхо Москвы”).

Для частицы *как бы* органически свойственно участие в контекстах, где говорящий не скрывает притворства, обманного поведения. Роли маски вполне соответствуют слова В. И. Даля об опорных словосочетаниях для одного из значений частицы *как бы* — „принимать вид обманчивый и сомнительный”.

„Курили... ну, то есть я-то не курю, но тоже выходил со всеми, *как бы* покурить, просто так говорят: выйти покурить” (Е. Гришковец, *Одновременно*); „И *как бы* просто так, скажешь: „Что-то звук как-то странно записался” (Е. Гришковец, там же); „Прикинулся водопроводчиком. Он теперь у нас *как бы* водопроводчик” (из устной речи).

Есть контексты, где ярко проявляются межличностные отношения, реакции на слушателя, общую обстановку, ситуацию. Разные социальные роли, робость перед авторитетами, смущение, извинение, стремление оправдаться. В итоге, не найдя дефиниции, нужной вербализации, субъект речи с помощью *как бы* „подставляет” на место нужного слова — „заместителя” (иногда это бывают гиперонимы).

Из устной речи: „Вот этот *как бы* памятник (барельеф) здесь открыли”; „Нам всем дали *как бы* бумагу с вопросами” (анкета социологического опроса); „Ну, они *как бы* вольные участники” (волонтеры); „Господин судья, ваша честь, я их *как бы* и не видел”; „Вот эти *как бы* манипулятивные технологии, которые были применимы Ельциным, стали работать на общество” (А. Фефелов, АиФ); „И все эти фотографии, на которых она такая красивая, станут не просто фотографиями, а *как бы* вот документами эпохи” (Е. Гришковец, *Одновременно*); Инвариантное значение *как бы* по своей природе может выступать синонимом к слову *якобы*. Диалог Д. Муратова и ведущей на „Эхе”: „Зубов — это тот профессор, которого сегодня увольняют из МГИМО?” — „*Как бы* увольняют, говорят, что вроде нет [...]. Но что-то происходит вокруг”; „Нет никакого дела Лепса, а вот по этому братству, где Лепс *как бы* был упомянут в качестве якобы курьера [...].” (А. Венедиктов, „Эхо Москвы”).

Заслуживает особого внимания обращение к синтаксическим фразеологизмам с *как бы*. Существует ситуация, которую назовем эмоциональный псевдовопрос, контекст обратного прочтения.

„А ты *как бы* не знаешь?” (едкая интонация: „Знаешь!”); „А ты *как бы* там и не был?” („Был!”); Насмешливый отказ, возражение: „Как бы не так!” („Не так”).

Существует *как бы* вне ирреальной, гипотетической модальности, как маркер приблизительности, подобия, синоним к *вроде* — для имен.

„Так режем всю соломку с торца и получаем *как бы* щеточку [...] цилиндрик заканчивается *как бы* иглолочкой” („Соломенные картины”, „Народное творчество”); „Говорят на *как бы* мате – попкорн, семечки, жвачка” (поэтесса И. Кабыш считает язык современной молодежи подобным мату („Литературная газета”).

Из устной речи: „*Как бы* стол будет” (ящик, чемодан), „*Как бы* мех” (из ваты); „*Как бы* книга” (мобильное устройство).

И, наконец, есть контексты, которые воодушевляют хулителей частицы, из-за которых *как бы* награждают множеством уничижительных слов (агрессивное, избыточное, бессмысленное, речевая демагогия и мн. др.). Это контексты, в которых нельзя усмотреть ни одного из установленных значений, где нет неопределенности, сравнения, подобия, где смысл читается абсолютно однозначно, конкретно. Частица сопутствует тому слову, смысл которого нельзя ни ослабить, ни усилить. Сама ситуация является четко и неукоснительно конкретной; не может быть двусмысленности; говорящий как будто ее не предусматривает. Но здесь может проявиться неявный, имплицитный способ передачи информации, о котором убедительно писал В. А. Плунгян (см. выше). Только в устной речи, где ситуация мотивирована, слово в большей мере является действием, где понятны и межличностные отношения участников, где возможно наблюдение за эмоциями, настроениями говорящих и собеседников, можно подметить искренность и неискренность, провокативное употребление, языковую игру [...]. То, что бессмысленно в письменном тексте, может иметь значение или функцию – в устной.

„Мы начали продавать этот *как бы* крем” (реклама); „Завтра мы *как бы* встретимся” (утверждение); „Судья дал ему *как бы* 20 лет”; „Парень лежал на полу *как бы* с проломленной головой”; Ответ студента на экзамене: „Подлежащее и сказуемое *как бы* главные члены предложения” (случай с экзаменатором О. А. Лаптевой); На судебном процессе биологический и официальный отец ребенка: „Я *как бы* отец! (может быть: «А вы, *как бы* не знаете?»)”; „Там и наибольшая плотность *как бы* населения” (невозможно квалифицировать это употребление в выступлении интеллектуала М. Шевченко – „Эхо Москвы”).

Присоединившись к хору тех, кто видит в *как бы* слово-паразит, О. А. Лаптева, наиболее серьезный и обстоятельный исследователь частицы (6), признается в трудности окончательных оценок. И тем не менее, автор полагает возможным усмотреть в этом складывающуюся самоорганизацию движения языка, новую формацию текста (устного и письменного) и даже участие частицы в создании ритмичности преобразований при делимитации поиска необходимого слова.

Вопрос о феномене частицы может быть осмыслен философски. М. Н. Виролайнен в исследовании об исторических метаморфозах

русской словесности [Виролайнен 2007] пишет о том, что **в виртуальной сфере помысленное получает статус действительного**. Она свободна от массы ограничений, существующих как в материальном, так и в идеальном мирах. В частности — от ограничений определенностью, на которую обречено не только все материально воплощенное, но и идеально совершенное. Не связанный определенностью всего воплощенного и состоявшегося, виртуальный мир максимально подвижен, изменчив, текуч; любая данность в нем может быть переиграна, трансформирована [там же: 480–481].

Утрата уникальности, единичности, а значит, и идентичности практически стала едва ли не общим местом современного постмодернистского сознания.

Развивая концепцию М. Н. Виролайнен, Б. В. Дубин в работе, выполненной в русле исследований по социологии современной культуры [Дубин 2004], связывает распространение частицы *как бы* с основами московского концептуализма начала 60-х годов — это слово было фигурой иронии, манифестирующей свободу от однозначной связи слова со своим денотатом, составляло контраст официальной речи, жестко закрепляющей связи между словом и бытием. Сейчас уже однозначно определенное становится неоднозначно неопределенным (*Я как бы пришла*); самоотждественное — подобным чему-то иному. Солагательность проявляется там, где ей не место, и перестает восприниматься как солагательность [там же: 340].

Во всем этом М. Н. Виролайнен и Б. В. Дубин видят и проявление коллективного бессознательного. Язык то ли фиксирует, то ли формирует какие-то бессознательные и тем более необратимые процессы.

Библиография

- Б е л о в А. А. 2005. *Функционально-семантический анализ частицы как бы в поэзии Ф. И. Тютчева*. Выпускная квалификационная работа, Череповец: Изд-во Череповецкий государственный университет.
- В а с и л ь е в А. Д. 2003. *Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления*, Москва: Флинта–Наука.
- В и р о л а й н е н М. Н. 2007. *Исторические метаморфозы русской словесности*, Санкт-Петербург: Амфора.
- Д о н ч а к С. Б. 2001. *Языковая игра и обманутые ожидания*, [в:] *Критика и семиотика*, вып. 3–4, Красноярск: Красноярский государственный ун-т, с. 78–84.
- Д у б и н Б. В. 2004. *Интеллектуальные группы и символические формулы*, [в:] *Очерки социологии современной культуры*, Москва: Новое изд-во.
- Л а п т е в а О. А. 2004. *Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований*, (статья вторая), „Вопросы языкознания”, № 5, с. 17–31.

- П л у н г я н В. А. 2014. *О дискурсивных словах, их роли в нашей речи и бесполезности борьбы с ними*. Интервью с лингвистом В. А. Плуныным. 24 октября 2014, [в:] электронный ресурс: [Vagusaba.livejournal.com/89916.html](http://vagusaba.livejournal.com/89916.html)
- Т р о ф и м о в а О. В. 1998. *Сочетание „как бы” в сверхтексте „Литературной газеты”*, [в:] *Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, с. 91–98.
- Ш м е л е в А. Д. 1998. *Слова-паразиты и их роль построении дискурса*, [в:] *Русский язык в контексте современной культуры*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, с. 151–153.

